

Научная статья
 УДК 94(571.1/.5)«189/195»:930.22
<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-1-31-39>

**Эго-документы Сибистпарта по истории революционного
движения и военных конфликтов на востоке России
(конец XIX – первая половина XX в.)**

**Ego-documents of the Sibistpart on the History of the Revolutionary
Movement and Military Conflicts in the East of Russia
(the late XIX – the first half of the XX cent.)**

© Чублова Анна Вячеславовна

библиотекарь 1 категории
 лаборатории книговедения,
 Государственная публичная научно-техническая
 библиотека Сибирского отделения Российской
 академии наук (ГПНТБ СО РАН),
 ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102, Россия
 ORCID: [0009-0001-7101-7622](https://orcid.org/0009-0001-7101-7622)
 e-mail: chublova@spsl.nsc.ru

Chublova Anna Vyacheslavovna

*The I category Librarian
 of the Laboratory of Book Study,
 State Public Scientific Technological Library of the
 Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 (SPSTL SB RAS),
 15 Voskhod St., Novosibirsk, 630102, Russia
 ORCID: [0009-0001-7101-7622](https://orcid.org/0009-0001-7101-7622)
 e-mail: chublova@spsl.nsc.ru*

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются ранее не использовавшиеся широко в научном обороте воспоминания рядовых и профессиональных революционеров Сибири. Цель статьи – привлечение внимания исследователей к рассматриваемым источникам (эго-документам по истории революционного движения конца XIX – начала XX в., Октябрьской революции и Гражданской войны, отложившимся в фонде Сибирской историко-партийной комиссии (Сибистпарта) Государственного архива Новосибирской области П-5), а также обоснование их высокого научно-исследовательского потенциала. Рассматриваются деятельность Сибирского Истпарта как нового центра развития исторической науки и основного собирателя и публикатора ценных эго-документов, особенности выявленных воспоминаний как исторического источника, специфика работы с ними; дается анализ некоторых воспоминаний для апробации методов такой работы. Методология исследования включает дискурс-анализ, биографический подход, метод источниковедения. Изучение материалов фонда П-5 позволило составить классификацию по уровню литературного профессионализма авторов и по характеру содержания всего массива воспоминаний, собранных Сибистпартом; выявить особенности языкового стиля мемуариста и его мышления; выделить те сюжеты, на которые он более всего обратил внимание, подробно их описывая и давая собственную оценку; наметить перспективы исследования этих эго-документов. Сделаны выводы о высокой информационной ценности

Abstract. Memoirs of ordinary and professional revolutionaries of Siberia, previously not widely involved in scientific use, compose the subject of the paper. The purpose is to attract the attention of researchers to the historical sources under consideration (ego-documents on the history of the revolutionary movement of the end of the XIX – early XX centuries, the October Revolution and the Civil War, kept in the collections of the Siberian Historical and Party Commission (Sibistpart) of the State Archive of the Novosibirsk region P-5), as well as to confirm their high research potential. There are considered the activities of the Siberian Istpart as a new center for the development of historical science and the main collector and publisher of valuable ego-documents, the features of the revealed memories as a historical source and the specifics of working with them; the analysis of some memories is given to test the methods of such work. The research methodology includes the discourse analysis, biographical approach, and the method of source studies. The study of the P-5 collection materials has made it possible to classify the entire collection of memories gathered by the Sibistpart due to the level of the authors' literary professionalism and the nature of the content; to identify the features of the memoirist's linguistic style and thinking; to highlight the subjects paid more attention to – therefore described in detail and given his own opinion – to outline further prospects for studying these ego-documents. Conclusions are made about the high information value of these historical sources, and possible thematic and methodological directions for working with memoirs of the first half of the XX century are proposed.

рассматриваемых исторических источников, предложены возможные тематические и методологические направления работы с мемуарами, написанными в первой половине XX в.

Ключевые слова: Сибирская историко-партийная комиссия (Сибиистарт), Вениамин Давидович Вегман, эго-документы, воспоминания, революция 1905 г., революция 1917 г., Гражданская война, Сибирь, социал-демократическое движение в Сибири

Для цитирования: Чублова А. В. Эго-документы Сибиистарта по истории революционного движения и военных конфликтов на востоке России (конец XIX – первая половина XX в.) // Труды ГПНТБ СО РАН. 2025. № 1. С. 31–39. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-1-31-39>

Введение

Тема революционного движения конца XIX – начала XX в. в России всегда вызывала интерес исследователей. Две революции и Гражданская война проанализированы во множестве статей и фундаментальных монографий, которые подчеркивают богатый источниковый потенциал темы. Громкие потрясения эхом отзывались во всех регионах страны, которые, не оставаясь в стороне, участвовали в революции, в Гражданской войне и установлении советской власти, составив свою локальную историю событий.

Свидетелями и хранителями страниц этой истории стали историко-партийные комиссии – Истпарты, созданные 21 сентября 1920 г. при Наркомате просвещения – комиссии по сбору, систематизации, изучению и публикации материалов по истории Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Октябрьской революции и революционному движению в целом. К концу 1922 г. эти новые центры науки появляются в разных городах на востоке России (Сибирь и Дальний Восток). Были образованы собственно Сибирский Истпарт, а также губернские: Томский, Омский, Енисейский и другие. Это была разветвленная сеть организаций, имевших исследовательский характер. Истпарты также содействовали формированию архивных коллекций и архивного дела СССР. С декабря 1921 г. они находились в ведении ЦК РКП(б)¹ и фактически имели монополию на толкование истории РКП(б) и в целом всего революционного движения [1, с. 46].

Сибирский Истпарт был учрежден в июле 1921 г. по инициативе руководителя Сибирского архивного отдела Вениамина Давидовича Вегмана [2, с. 70], который сыграл значительную роль в работе и развитии комиссии. В. Д. Вегман известен своей яркой и плодотворной деятельностью в качестве редактора большевистских

¹ Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Keywords: Siberian Historical Party Commission (Sibistpart), Veniamin Davidovich Vegman, ego-documents, memoirs, revolution of 1905, revolution of 1917, Civil War, Siberia, social democratic movement in Siberia

Citation: Chublova A. V. Ego-documents of the Sibistpart on the History of the Revolutionary Movement and Military Conflicts in the East of Russia (the late XIX – the first half of the XX cent.) // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2025. No. 1. P. 31–39. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2025-1-31-39>

газет («Знамя революции», «Рабочее знамя», «Рабочий путь» и др.), видного регионального политика, собирателя ценных и весьма редких изданий и источников, краеведа, автора множества статей. Еще в молодости его литературные способности оказались весьма полезными для революционной журналистики. В июле 1920 г. Вениамин Давидович получил должность заведующего Сибархивом в Омске, а с 1923 г. встал во главе Сибирской комиссии по истории партии [3, с. 4–7]. Он развернул обширную работу по сбору и публикации не только воспоминаний участников социал-демократического движения, но и других документов, на основе которых был сформирован крупный фонд Сибиистарта, ныне хранящийся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) под архивным шифром П-5.

Материалы, собранные локальными истпартами, чрезвычайно объемны, поэтому в статье нас будет интересовать именно Сибирский Истпарт (Сибиистарт), деятельность которого (с 1921 по 1940 г.) стала заметной вехой в историографии социал-демократического движения, Октябрьской революции и Гражданской войны, вписав в историю имена их участников. Материалы Сибиистарта активно публиковались в первой половине 1920-х гг. на страницах местных журналов «Былое Сибири», «Просвещение Сибири», «Северная Азия». С 1922 г. воспоминания старых большевиков, различные документы, рецензии, обзоры, а также хроники по истории Октября и Гражданской войны увидели свет в журнале «Сибирские огни» [2, с. 70–71]. Сборники Сибиистарта, содержащие большое количество документов личного происхождения, давали трактовку истории революционного движения в Сибири.

В фонде П-5 находятся статьи, воспоминания, выкопированные из газет, эпистолярные материалы (письма), однако мы обращаемся именно к воспоминаниям (существенная часть которых создавалась в 1920–1930-е гг.), так как они составляют

большинство архивных дел. Воспоминания (мемуары) понимаются как тип эго-источника, в котором автор от своего имени ведет повествование о своей жизни на фоне различных событий, имевших место в прошлом. Важно отметить, что они пишутся спустя определенное время после описываемого события, в отличие от дневников, где события фиксируются по свежим следам [4, с. 18].

Классификация воспоминаний Сибирапарта

Каждая из описей фонда П-5 содержит большое количество присланных воспоминаний разных авторов (с начала 1920-х гг. по 1940-е гг.). Типы документов и их содержательная наполненность различны. Можно предложить *два варианта общей классификации* всего массива воспоминаний, представленных в фонде П-5 ГАНО: по уровню литературного профессионализма авторов и по характеру содержания.

По уровню литературного профессионализма авторов воспоминания можно разделить таким образом.

1. *Короткие заметки непрофессионалов литературного труда*, которые были записаны либо под диктовку, либо как ответы на вопросы, чаще под наблюдением со стороны сотрудников Сибирапарта. Такие документы малоинформативны, к ним относятся воспоминания следующих авторов: Глазков, И. М. Прудников, Каменщиков, Мухоревский, А. Ф. Панов, Р. С. Тобольшин и др. Объем записей составляет в среднем от 1 до 10 страниц текста.

2. *Профессиональные – объемом не менее 20 страниц – написанные большевиками с дореволюционным стажем, имевшими опыт литературной работы (нелегальные типографии, редакторская деятельность в революционных газетах)*. Воспоминания таких авторов, осознающих и запоминающих события с точки зрения профессионального революционера-подпольщика, являются литературно выверенными, изобилующими фактами и событиями, характеристиками личностей, подробностями. В данном случае как авторов невозможно не упомянуть М. Г. Александрова, Л. В. Решетникова, Б. З. Шумяцкого, Ф. Д. Кузнецова, Е. В. Полюдова, А. И. Галунова, Г. Е. Дронина, В. Д. Вегмана и др. Некоторые из них включают в свой авторский текст выдержки из печати тех лет, делая тем самым свои воспоминания похожими на научную публикацию или небольшое исследование с привлечением различных источников. Например, к такому типу можно отнести воспоминания Е. В. Полюдова, в которых автор обильно использует цитирование газет (в основном кадетской газеты Омска «Сибирская речь»)².

Классификация по характеру содержания позволяет выделить 5 групп эго-документов.

1. Инициативно написанные воспоминания. Несмотря на то что эти тексты появились по просьбе или заданию Сибирапарта, они являются наиболее интересными, длинными и подробными. Их достоинство состоит в том, что здесь видна личность автора, его субъективное отношение к событиям и людям, общественная позиция, степень литературного мастерства.

2. Краткие формализованные воспоминания, созданные упомянутыми выше рядовыми участниками революционного процесса, непрофессионалами в политической деятельности. Во многих случаях это короткие тексты с тяжелым слогом, содержащие простые ответы на вопросы о событии или личности; они содержат малоквалифицированные определения, описки, ошибки памяти (например, К. П. Лабинцев прямо пишет в своих воспоминаниях о том, что он забыл некоторые события³). Сравнений и отступлений в другие области профессиональной памяти практически нет.

3. Рукописи статей, предназначенные для публикации в газетах, журналах и т. д. Здесь существует как значительная степень самоцензуры, так и редактура руководящих лиц, сотрудников Сибирапарта. Такого типа воспоминания содержат точку зрения не только автора, но и рецензента, редактора (руководителя органа Истпарта) и могут быть значительно сокращены при публикации. Они адаптированы к политической конъюнктуре в соответствии с требованиями эпохи.

4. Записи устных воспоминаний, инициированные сотрудниками Сибирапарта и ими же оформленные. Они наименее достоверны, поскольку зачастую отражают точку зрения не интервьюированного, а интервьюера, который навязывает автору свою трактовку событий и определяет общую канву нарратива (иногда по трафарету, используемому Сибирапартом для такого случая). Здесь присутствуют чаще всего недостаточно обоснованные, мифологически искаженные факты. Особенно много сохранилось таких воспоминаний, взятых в 1930-е гг. выездными сотрудниками (экспедициями) Сибирапарта у рядовых участников подполья в глубинке Сибири. Это большое количество воспоминаний о С. М. Кирове, записанных у бывших томских подпольщиков, которые когда-то знали его, работали с ним в одних революционных организациях.

5. Стенографические записи вечеров воспоминаний, проводимых в Москве и Новосибирске. Такие воспоминания можно признать вполне достоверными, более того, корректируемыми выступающими критиками, которые часто бывали не согласны с трактовкой событий

² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 258.

³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 276. Л. 17.

основным докладчиком, исправляли его в ходе прений, добавляли свои детали, высказывали свою точку зрения.

Наиболее ценными и информативными нам представляются инициативно написанные воспоминания и стенографические записи вечеров воспоминаний из классификации по характеру содержания, так как имеющиеся в них сведения напрямую исходят от авторов, особенно если эти авторы – профессионалы в литературном деле. Они осознанно или неосознанно могли давать такие точные характеристики описываемым событиям и лицам, которые были бы недоступны рядовым участникам революционного движения в силу специфического опыта, степени их осведомленности.

Специфика эго-документов и методология работы с ними

Воспоминания современников событий – весьма ценный источник, который содержит текст, наполненный важными сведениями и символами эпохи с высоким познавательным потенциалом. Однако нужно помнить, что он обладает как объективной, так и субъективной составляющими. Труднее всего выявить степень его достоверности. Многие авторы писали свои мемуары по заданию Истпарты уже через много лет после описываемых событий. Это означает не только то, что они могли забыть имена, перепутать даты и так далее, но и то, что в сознании авторов со временем сместились акценты, и в условиях стремительно меняющейся общественно-политической обстановки произошла переоценка прошлого. Эффективнее всего работать с этими источниками в комплексе, анализируя разных авторов (и профессиональных, и рядовых революционеров) и их мемуары, описывающие одни и те же события, – так они будут дополнять друг друга, давая не только более полную картину мнений и авторских интерпретаций, но и сведений о прошлом.

Воспоминания – помимо того что пропитаны авторским мировоззрением, позицией, рефлексией – несут в себе отпечаток большевистской идеологии, которая в то время еще только укреплялась (1920–1930-е гг.). Поэтому данный источник, несмотря на наличие объективных трактовок и уникального личного восприятия эпохи, предстает идеологизированным. Авторы были убежденными приверженцами советско-большевистских идей и взглядов, которые были неотделимы от массовой психологии того времени. Мемуаристы были убеждены и убеждали потенциальных читателей в правильности большевистского взгляда на историю и доказывали правомерность прихода к власти именно большевиков. Сами Истпарты основывались на этих же идейных постулатах. Сказанное

важно учитывать при работе с исследуемыми материалами.

В целом источники личного происхождения всегда являются исследователям свою дуалистическую природу. Во-первых, они сохраняют сведения о прошлом и играют роль закрепления его в памяти, а во-вторых, становятся документальным остатком своей эпохи, во время которой и были созданы [5, с. 127]. Для получения ценных сведений и глубинного анализа источников личного происхождения необходимо помнить об их специфике и обращаться к соответствующим методам. Пожалуй, базовым и весьма эффективным следует считать дискурс-анализ, который направлен на выявление особенностей системы речи в тексте, целей создания текста и т. д. Намного более сложным и глубоким будет интент-анализ – своего рода высший уровень в триаде «контент-, дискурс-, интент-анализ». Последний направлен на раскрытие внутренних, неявных и порой умело замаскированных автором целей и намерений: для чего в действительности написан текст, какие цели преследует автор, что косвенно хочет донести, а что скрывает, но лексикой, грамматическими структурами и содержанием при этом выдает скрытое.

Можно выделить и специфические подходы историко-источниковедческого исследования мемуаров. Историко-культурный подход предполагает рассмотрение воспоминаний в качестве источника для понимания эпохи, которая отразилась в нем. В рамках типологического подхода воспоминания анализируются как исторический источник: условия возникновения, история создания, внешняя и внутренняя критика источника [6, с. 38]. Без информационного и биографического подходов также невозможно всестороннее исследование такого источника. Таким образом, вариантов работы с эго-источниками существует множество.

Что касается специфических характеристик воспоминаний, прежде всего выделяется их субъективность. Известно, что в отечественной историографии (особенно в советской) нередко можно было встретить довольно пренебрежительное отношение к мемуарам и другим эго-документам или использование их лишь в качестве второстепенной информации. Такая тенденция постепенно уходит в прошлое. Несмотря на то что мемуарные тексты написаны людьми, которые зачастую не преследовали цели полно, точно и объективно осветить события, эти тексты являются памятниками, свидетельствующими о различных подходах, мнениях, переживаниях и запечатлевшими восприятие реальности авторами. Но в этом кроется не недостаток, а сила источника: именно за субъективными оценками исследователи и обращаются к эго-документам, чтобы «оживить» известные факты, имевшие место в истории той или иной эпохи. Авторы мемуаров наполняют ее своими голосами, тем

самым показывая, как эти события переживали обычные люди. На наш взгляд, изучение исторических событий не будет полноценным без этого вида источников. Рассмотрение эпох невозможно без учета осмыслиения их самими действующими лицами. Понимание отношения современников к разным событиям открывает огромные возможности для изучения эпохи в более детальном ее освещении. Эго-документы также важны и необходимы для исследования специфики мировоззрения и психологии людей того времени. Это кладезь полезных и интересных исторических сведений.

Считается, что наиболее правдивыми являются те мемуары, которые были написаны для себя. Однако мы имеем дело с воспоминаниями, создавшимися по прямому заданию Сибираптарта, некоторые из них попадали в периодическую печать и другие истпартовские издания. Скорее всего, авторы умолчали о некоторых деталях в связи с самоцензурой и потребностями эпохи. Немаловажен также и литературный язык, которым написаны мемуары: он может многое рассказать о самом авторе, степени его информированности и компетентности. В некоторых воспоминаниях выдержаны не все каноны «жанра»: часть авторов, видимо, для достижения большей точности и весомости текста включали в него разного рода документы, цитаты из газет, ссылки на другие источники и т. д. Получался некий «сплав мемуаров и документов», стоящий на грани научного исследования и исторического источника [6, с. 44]. Также автор мемуаров, представляющих собой продукт саморефлексии, мог иметь желание показать собственную роль в исторических событиях. Выявить такое стремление можно проанализировав содержание текста: на что автор обратил большее внимание, какие при этом слова и обороты речи использовал.

Многие воспоминания насыщены большим количеством фамилий лиц, участвовавших в описываемых событиях. Часто авторы указывают фамилию и занимаемую должность, иногда пишут полное имя и отчество, дают краткое или подробное описание характера, внешности человека, его роли в событиях и др. К сожалению, не всегда удается выяснить полное имя автора. Чаще всего он сам обозначает себя по фамилии, тогда как его имя и отчество остаются неизвестными. Может быть так, что его инициалы записаны неверно, в результате чего возникает путаница (как в случае с М. Г. Александровым). Это, скорее всего, говорит о недостаточно внимательном отношении к делу сотрудников Сибираптарта и позднейших архивистов.

Воспоминания сибирских большевиков, значительная часть из которых были знакомы или работали вместе, взаимосвязаны. Более того, они иногда ссылаются друг на друга для уточнения сведений, которые сам автор может не помнить,

либо с целью подкрепить достоверность написанного воспоминаниями других авторов.

При изучении источников личного происхождения прежде всего интерес представляет опыт проживания автором любых исторических событий (от локальных до масштабных). Автор, документируя прошлое, позиционирует себя как очевидца событий. В этом случае необходимо установить, какие сюжеты в авторском тексте связаны с индивидуальным восприятием прошлого, а какие относятся к области коллективных представлений. Но не только исследователь решает этот непростой вопрос – сам автор иногда ненамеренно, а иногда осознанно задумывается о том, как лично им пережитое соотносится с коллективной памятью и «публичными нарративами» о написанном [7, с. 64].

Обзор воспоминаний сибирских революционеров

Исторические рамки воспоминаний, выбранных нами для рассмотрения, не ограничены Октябрьской революцией и Гражданской войной. В них входит и период дореволюционный, революция 1905 г., период после Гражданской войны вплоть до 1940-х гг. Таким образом, мы можем наблюдать и оценить богатую картину внутреннего мира автора и освещаемых им событий.

Из огромного количества воспоминаний, собранных Сибираптартом, мы ограничимся лишь несколькими, чтобы в рамках статьи была возможность подчеркнуть их специфику (хотя бы и отдельно взятых единиц), сравнить разные источники между собой, показать их разнообразие и сделать некоторые выводы. Мы хотим показать, какие типы воспоминаний хранятся в архиве, выявив особенности их содержания и работы с ними. Все материалы были взяты из 4-й описи фонда П-5 ГАНО как наиболее объемной (более 1700 дел) и максимально отвечающей задачам статьи в плане тематики материалов (опись содержит тексты воспоминаний, биографические и другие материалы, относящиеся к истории экономического и революционного развития Сибири, а также Гражданской войны и партизанского движения). В качестве примера нами были выбраны несколько коротких воспоминаний (С. К. Савельев⁴, Глазков⁵, И. М. Прудников⁶, В. И. Кудайкин⁷) и мемуары профессионального революционера и журналиста Г. Е. Дронина⁸.

⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 231. Л. 31-31об.

⁵ Там же. Д. 219.

⁶ Там же. Д. 223.

⁷ Там же. Д. 245. Л. 2-3.

⁸ Там же. Д. 268.

Семен Кириллович Савельев пишет двухстраничное воспоминание о Февральской революции (дата написания неизвестна). Язык текста достаточно простой, включающий эмоциональные выражения. Автор ведет повествование весьма отрывисто, лишь намечает сюжеты и кратко о них сообщает. Он описывает беспокойство в обществе в феврале 1917 г.: витали слухи о революции; люди желали узнать, что происходит в столице, и надеялись, что слухи окажутся правдой. «В полках началось брожение», – так он характеризует настроения в армии. В тексте практически нет имен, за исключением губернатора Дудинского и товарища мемуариста – Смирнова. Интересна «телеграмма, полученная от “своих” из Петрограда»⁹: ее содержание заключалось в словах «Опера идет», что означало свершение революции.

Воспоминание Глазкова (имя и отчество автора установить не удалось) «К 20-й годовщине Великой Октябрьской революции» (дата создания: 28.05.1937 г.) является лаконичным ответом на вопрос об определенной личности. После краткой предыстории автор подробно рассказывает не о себе, а о Павле Ивановиче Молостове (рабочем маслозавода) – о его возвращении с фронта, активной деятельности в качестве большевика, приводит перечень его почетных грамот за заслуги перед революцией. Автор очень положительно отзывается о деятельности П. И. Молостова, охотно делится подробностями его работы, в том числе и совместной с автором. Таким образом, перед нами характеристика революционера глазами соратника.

Еще одно небольшое воспоминание, но уже о революционных событиях в Томске, написано И. М. Прудниковым 13 октября 1927 г. Из названия «Томское крестьянство в предоктябрьский период 1917 года» видно, что автор в этом случае будет говорить не о себе как об акторе, а об окружавших его событиях и людях: «В моем настоящем воспоминании я коснусь одного лишь характеризующего собой настроения крестьянства бывшей Томской губернии¹⁰»¹¹. Действительно, этот текст может служить для исследователей ценным материалом по изучению настроений крестьянства, их отношения к происходившим событиям. Автор непосредственно общался с крестьянами, поэтому здесь мы имеем прямое свидетельство об их настроениях. Мемуарист подробно касается политической борьбы между большевиками и эсерами, последние из которых пользовались большой популярностью среди крестьянства. Большевики безуспешно пытались вести беседы с крестьянами, чтобы разъяснить «им ложность и гибельность эсеровской

политики», но их «гнали в свои казармы»¹². Тем не менее Прудникову удалось поговорить с одним крестьянином, размышлявшим о политике, и из этого разговора становится понятно, что царила атмосфера хаоса, крестьяне попадали в обстановку своеобразного «информационного шума», в условиях которого враждующие партии старались привлечь их на свою сторону, пропагандируя свои идеи, и каждому человеку приходилось делать выбор в пользу того или иного политического течения. Сделать это было сложно, так как стороны прибегали к популизму, идеологизации и громким посулам. Автор делает вывод, что «одним выступлением руководителя большевистской организации было аннулировано все то, что так долго и упорно вколачивалось в головы томского крестьянства эсеровской партией»¹³. Однако вряд ли можно говорить о кардинальном и резком повороте в сознании крестьянства. Скорее всего, автор преувеличил влияние «страстной и зажигательной речи» Н. Н. Яковлева, который выступал на заседании расширенного Совета рабочих и солдатских депутатов.

Василий Иванович Кудайкин написал о событиях Гражданской войны в Нарымском крае двухстраничное воспоминание¹⁴ (точная дата неизвестна). В небольшой объем автор смог поместить краткую справку не только о себе и жизни при царском правительстве (погромы помещиков), но и о событиях после 1917 г. Он вел подпольную работу в рядах большевиков. Слог у автора простой, он рассказал все, что мог вспомнить, но при этом назвал довольно много фамилий. Кудайкин, хотя и лапидарно, охватил такие события, как борьба с «белобандами», приход колчаковского правительства, повторное установление в 1920 г. советской власти¹⁵.

Григорий Дронин был достаточно известным профессиональным революционером-большевиком. В марте 1917 г. он вошел в состав Совета рабочих и солдатских депутатов Новониколаевска, чуть позже его избрали председателем объединенной организации РСДРП, он участвовал в работе Западно-Сибирской конференции РСДРП в качестве делегата от Новониколаевска, в ноябре избран гласным городской думы. В 1910–1914 гг. Г. Е. Дронин тесно сотрудничал с такими газетами, как «Восточная Заря», «Обская жизнь», «Сибирь» (Иркутск), «Алтайское дело» (Новониколаевск), в 1916 г. – с «Голосом Сибири» [8, с. 92]. Исходя из биографической справки можно понять, что он занимал не последние должности, активно вел революционную и подпольную деятельность, имел представление о литературной работе.

⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 231. Л. 31.

¹⁰ В границах с 1898 по 1917 г. с семью уездами (Томский, Марииинский, Кузнецкий, Каинский, Барнаульский, Бийский, Змеиногорский).

¹¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 223. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 245. Л. 2-3.

¹⁵ Там же. Л. 3.

Свои объемные воспоминания (43 машинописных листа) Г. Е. Дронин создал в 1947 г. Они представляют собой весьма любопытный пример исторического источника и выбраны нами для анализа, так как являются неким сплавом из собственных воспоминаний автора и подбора разнообразных фактов, статистической информации, цитирования чужих воспоминаний и материалов из печати. Так, дан широкий обзор истории Новониколаевска¹⁶: состояния хозяйства и инфраструктуры, общественно-политической и экономической обстановки, положения рабочих, отношения населения к вестям о Февральской революции и т. д. Текст больше походит на статью с вкраплениями личного опыта автора, что, в свою очередь, наполняет его живыми картинами городских событий тех лет.

В воспоминаниях можно выделить такие тематические блоки: состояние работы большевистской партии, ее отношения с другими партиями, Февральская революция и развитие событий после нее (в частности, выход большевиков из подполья и усиленное развертывание своей активности), упоминание о себе и своей деятельности, характеристика некоторых членов партии большевиков.

Стиль письма Г. Е. Дронина довольно интересный, его речь грамотна, можно заметить многочисленные идеологические клише. Например, Столыпина он характеризует резко негативно, называя его «царским сатрапом» и «кровопийцей», за то, что он «всячески стремился насаждить и укрепить в Новониколаевске крупную черносотенную силу»¹⁷. Употребляются слова и словосочетания из дискурса советской эпохи: «командные высоты»¹⁸, «прокуратор», «предатель»¹⁹, «злостный»²⁰. Описывая общественных деятелей (мукомолов, руководителей банков, домовладельцев), он использует такие характеристики, как «толстосумы»²¹, «хищные дельцы»²².

Обращает на себя внимание частое употребление автором местоимения «мы» для обозначения себя и товарищей как действующих лиц, что говорит о чувстве коллективизма как в идеях и мыслях, так и в работе. Он крайне редко пишет «я». Этот прием делает текст еще более идеологизированным, подчеркивающим общность революционного дела и объединение большевиков ради достижения цели. Автор не скучится на имена и характеристики некоторых лиц, например, он описывает тех, кто вступал в 1917 г. в члены партии, отмечая,

¹⁶ Г. Е. Дронин описывает город в тот период его существования (1910-е гг.), когда он еще не был переименован в Новосибирск (в феврале 1926 г.).

¹⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 268. Л. 1-2.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

что брали почти всех из-за нехватки кадров. В конце воспоминаний он высоко отзыается о И. В. Сталине.

Заключение

Как видим, Сибистпарт в определенной степени возродил сибирскую мемуаристику, возникшую и без того достаточно поздно [9, с. 74], дал возможность прозвучать голосам тех представителей революционной эпохи, которые могли и не оставить после себя никакого следа. Впервые в российской истории появляются воспоминания крестьян и рабочих, вступивших на путь революционной работы.

С одной стороны, авторы воспоминаний старались в соответствии с хронологией зафиксировать значимые события (свершение революций, их последствия, формирование советских органов власти, их кадровый состав и т. д.), при этом нередко давая лишь краткую автобиографическую справку в начале. Но с другой стороны – мы видим, что все тексты являются автобиографией, соединенной с описанием значимых событий или характеристикой разных персон. Помимо этого заданного тематического направления, содержание текстов определял и внутренний настрой мемуариста: рефлексия автора по поводу описываемых событий, его отношение к действительности. Этого «внутреннего» компонента в истпартовских воспоминаниях содержится довольно мало. Чаще всего авторы воспоминаний были лицами партийными, коммунистами (на момент написания текста и ранее), что серьезно определяло поведение, мышление, влияло на жизнь индивида и не могло не отразиться на текстах мемуаров. Общественно-политическая атмосфера диктовала свои условия и не располагала авторов к написанию более откровенного материала, поэтому исследуемые это-документы – весьма идеологизированный продукт своей эпохи.

Особенно много создавалось мемуаров специально к памятным датам (например, 10-летию Октябрьской революции) по просьбам местных истпартов, что влияло на их тематику и содержание (разрабатывались специальные анкеты с вопросами, которые рассыпались потенциальным авторам) [10, с. 119]. В более поздних воспоминаниях (1940-х гг.) некоторые авторы значительно расширяли хронологические рамки своего материала и описывали современные события.

Если обратить внимание на авторский язык большинства воспоминаний, то можно заметить подавляющее большинство лексики, словосочетаний и предложений, которые положительно характеризуют свершения революций (особенно Октябрьской), партию большевиков, советскую

власть и дают негативную оценку действиям других партий, белого движения, случаев предательства (бегство Томского совдепа²³) и т. д. Также в воспоминаниях присутствуют языковые штампы и разговорная лексика, характерные для советской эпохи: «летучка», «белобанды», «классовая борьба», «эксплуатация рабочих», «учредилка» и др.

Наше исследование не является исчерпывающим, оно призвано вызвать интерес специалистов к проблеме и наметить некоторые сюжеты для дальнейшего изучения. Одним из вариантов развития тематики может стать восприятие авторами воспоминаний окружающего мира, а также определение возможностей использования интент-анализа для более обстоятельной работы с эго-документами. Анализ всего массива воспоминаний позволит выделить моменты, которые оказались значимыми для революционеров-подпольщиков, понять, на что они обратили внимание, а что из потока событий обошли стороной.

Список литературы

1. Шумилов А. И. Издания Истпартов, Истпрофов и Истмолов Сибири в 1920–1930-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 46–50.
2. Дашинимаева М. Ю. Из истории деятельности сибирских Истпартов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 70–71.
3. Вениамин Вегман: государственная, научная и общественная деятельность : сб. док. к 90-летию Сибархива / сост.: Л. С. Пащенко, Е. А. Мамонтова, С. Г. Петров, Л. И. Пыстиня. Новосибирск : Альфа-Порт, 2010. 450 с.
4. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14–31.
5. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
6. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 4. С. 36–45.
7. Голикова С. В. Воспоминания: историческая память в формате эго-источника // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуж. деят. науки России, д-ра ист. наук, проф. Александра Васильевича Бакунина : материалы (Екатеринбург, 4–5 дек. 2014 г.). Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 62–66.
8. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX века : энцикл. слов. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : Параллель, 2019. 398 с.

²³ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. д. 229. Л. 10.

Истпарт оставил после себя огромное наследие, которое до конца не изучено и ждет новых творческих сил и подходов, чтобы быть осмысленным современным поколением исследователей.

*Статья подготовлена по проекту НИР ГПНТБ
СО РАН «Эго-документы по истории Великой
Отечественной войны и других военных кон-
фликтов XX века из архивохранилищ востока
России: проблемы выявления, атрибуции
и публикации», № 123011300094-0*

*Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.*

Конфликт интересов
*Автор заявляет об отсутствии конфликтов
интересов, требующих раскрытия
в этой статье.*

9. Кискидосова Т. А. Повседневность городов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века в сибирской мемуаристике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. С. 74–76.

10. Пересветов В. А. Деятельность Истпарты по со-биению воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 113–120.

References

1. Shumilov AI (2008) Publications of Istparts, Istprofs and Istmols of Siberia in the 1920s-1930s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* 3: 46–50. (In Russ.).
2. Dashinimaeva MYu (2008) From the history of the Siberian Istparts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 311: 70–71. (In Russ.).
3. Pashchenko LS, Mamontova EA, Petrov SG and Pystina LI (comps) (2010) Veniamin Vegman: state, scientific and public activities: collection of documents for the 90th anniversary of the Sibarchive. Novosibirsk: Alfa-porte. (In Russ.).
4. Troitskii YuL (2014) Analysis of ego-documents: an instrumental resource of a historian. *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Yekaterinburg, pp. 14–31. (In Russ.).
5. Georgieva NG (2012) Memoirs as a cultural phenomenon and as a historical source. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iстория Rossii* 1: 126–138. (In Russ.).
6. Galiullina DM (2006) The problem of studying memoirs in Russian historical thought. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 148 (4): 36–45. (In Russ.).

7. Golikova SV (2014) Memories: historical memory in the format of an ego-document. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Urала в XVIII–XXI vv.: XII Vseros. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu Zasluzh. deyat. nauki Rossii, d-ra ist. nauk, prof. Aleksandra Vasil'evicha Bakunina: materialy* (Ekaterinburg, 4–5 dek. 2014 г.). Yekaterinburg, vol. 1, pp. 62–66. (In Russ.).
8. Shilovskii MV (ed.) (2019) The socio-political life of Siberia in the late 19th – early 20th centuries: encycl. dict. Novosibirsk: Parallel'. (In Russ.).
9. Kiskidosova TA (2016) The everyday life of the cities of Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th century in Siberian memoir studies. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 2: 74–76. (In Russ.).
10. Peresvetov VA (1981) Istpart's activities in collecting memories of the October Revolution and the Civil War. *Voprosy istorii* 5: 113–120. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 15.01.2025

Получена после доработки / Revised 17.02.2025

Принята для публикации / Accepted 12.04.2025